

Библиотека Всемирной Литературы

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

Избранное

Михаил Михайлович Жванецкий
Избранное (сборник)
Серия «Библиотека
Всемирной Литературы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8707222
Михаил Жванецкий. Избранное: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76868-4

Аннотация

Впервые в серии избранные произведения разных лет короля юмора, живого классика, великого сатирика Михаила Жванецкого!

Содержание

Предисловие	5
Как я пишу?.	6
Действительно	8
Дефицит. (Для А. Райкина)	28
Сосредоточенные размышления. (Для А. Райкина)	31
«Дурочка»	33
В Греческом зале. (Для А. Райкина)	41
Я жду	44
Белый свет	46
Спрос – сбыт	47
Пить вредно. (Для Р. Карцева)	49
Ваше здоровье? (Для Р. Карцева)	52
Что охраняешь, товарищ?	55
Берегите бюрократов	56
В век техники. (Для А. Райкина)	59
Как лечат стариков. (Для Р. Карцева и В. Ильченко)	62
Личный опыт. (Для Р. Карцева)	65
Расцвет сатиры	68
Города. (Для Р. Карцева)	69
Пишу и кладу в папочку	74
Помолодеть	75

Диета	78
Не пойму, что с людьми происходит. (Для Р. Карцева)	80
Слова. Слова... (Для Р. Карцева и В. Ильченко)	82
Диспут. (Для Р. Карцева и В. Ильченко)	87
Блеск, Паша	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Михаил Жванецкий

Избранное

Не продолжай короткое!
Михаил Жванецкий

Предисловие

Из кусочков, что я рисую, кто-то сложит картину.

Здесь, как в детстве, всё есть.

Вразброс, конечно.

Сам ленив, неподвижен, с коротким дыханием, мелким шагом и многими целями.

Написал и это же произнес.

В таком жанре, в каком получилось.

В крайнем случае, произнесите вы и сообщите мне, какой это жанр.

Пребываю и обнимаю вас.

А также тех, чья помощь обеспечила выход этой книги в свет.

Это Минц Борис Иосифович и Беляев Вадим Станиславович из корпорации «Открытие».

Как я пишу?.

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много писем приходит.

Думаю, что перестань писать – много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит:

– И где это вы темы берете?

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит.

Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград.

Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта.

До Москвы тоже час.

Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце.

Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, уйду в себя и сижу там.

Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать...

Сам лысый, длинноносый.

Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторять.

К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила отпечаток на поведение.

Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь.

Одет в серое, хожу вдоль стен.

Начитан слабо.

На вечеринках молчу, дабы было что печатать.

Дома ничего не делаю – отсюда прозвище «квартирант». Давно не танцевал – темпераментно, яро, с мычанием и подкатами.

Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебегал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых – нервный... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Действительно

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. 35 років творческой, 35 років производственной деятельности и где-то 60 общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета пришлись как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застолье, потом застолье в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы с Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так – Роман поярче на сцене. Виктор – в жизни, я весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуясь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, – вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разнообразных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как сесть в тумане, и куски из немецкой литературы, ка-

кие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны, и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись.

Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор...» Секундочку...

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке. Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!.. Что у вас там?..»

Мы с Ильченко познакомились где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, ко-

нечно, наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем до сих пор. Как тяжело даются слова – 30 лет тому назад. И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Металлистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя, и я видел, как на сцене тронулся Кац, как он сошел с ума, что-то с ним стряслось, остановившийся взгляд, сумасшедший вид.

– Что с тобой? – спросил я заботливо-завистливо, как всегда.

– Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в 11 утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление «прошу принять меня на работу...». Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность приникла к окнам, Ромин батька, футбо-

лист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двух детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуне, районный прокурор Козуб в коридор от ненависти не выходил, ибо опять они здесь что-то затевают.

Райкин был нечеловечески красив – это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка – тонкий довоенный шелк и это при таком успехе, и это при такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал 105 рублей.

В голове вертится фраза:

– Почему клубника?

– Уже шесть.

– Простите, вчера была пять.

– Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием. «И тогда сказал Аркадий Исаакович: «Сейчас мы едем прописываться», – и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал «посиди», и он зашел к генералу, а я совсем немного посидел, и он вышел и сказал: «Все в порядке», – и мы поехали обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие счастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо

вдвое толще, в том же библейском стиле.

«И тогда он сказал мне – завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое? И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: «Мы включим тебя с этим монологом в избранное. Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине». И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программу, развернул – и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина «С-153», что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке – благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и скажочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или зампредобсовпроса или предзамтурбюро «Карпаты» з пайкамы, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза кипаре, він кожний рік відпочивав бы в санатории ЦК «Лаванда» у люксе з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по субботам напивавсь у компании таких же дундуков, объединенных тайным знанием, что эта система ни к херам не годится, и в лю-

бом состоянии решал бы вопросы с населением. Находясь с ним в крайней вражде.

– Понаехали тут деревья защищать отовсюду, с Турции, с Израиля. Я им говорю: «Та кто ж те деревья хотел рубать?» Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: «Та кто ж их хотел рубать, те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упорядочиваем вид с моря, с моря тоже ж кто-то смотрит на город...» Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна.

Так вот, Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампрединистра решающего – на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автора, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка «у нас полиция на угле», я спросил «неужели так допотопно?», потом оказалось – на углу, это я на угле) и, по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из Одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым, и присоединился к своим двум друзьям.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане

отсчитывал мне на питание 10 рублей. Маманя вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать комплексно за 50 копеек и, чтоб я света белого не видел, у меня не было еще четырех копеек на троллейбус, от чего был сухим, muscularным и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку «разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристам на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) 30 рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой, с женой:

– Таня, ты деньги получила?

– Когда ты выслал?

– Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан» или «Гигант» или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила вмертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу кастрюли...» – находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А.И.Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я пытался уехать. Мне посоветовали поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в 500 рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!.. Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А.И.Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить – их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной

двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, общевойскового, ордена «Знак Почета» Ленинградского Высшего военно-политического мюзик-холла?!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жостью, уехал с криком «жду в Москве», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменялась в лице – я ее догнал на улице:

– Спектакль не принят?

– Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на т/х «Таджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, – беспорядочные связи (зачеркнуто), знакомства (зачеркнуто), дружба (зачеркнуто), любовь (зачеркнуто), контакты (зачеркнуто), счастье (зачеркнуто).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли. Автобус Фурцевой – фурцевоз, село Жирновка.

– Эй!

– Чего?

– Артисты приехали.

– Какие еще артисты, елкин дуб?

– Да вот эти, что на афише...

– А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням, и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас». Вернулись в Ростов – директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят.

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит, кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом, если ты вышел на сцену и произносишь монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...» Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу, и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна – покровительница всех муз. Да здравствует партия – покровительница страны, покровительница всех муз.

– Товарищи, товарищи, здесь режимная зона... Мало ли что... Мало ли что... Прошу... Прошу...

– Михаил, о чем мне писать, как вы думаете? Я хочу

узнать, что сейчас волнует молодежь, я изучаю их жаргон, я специально хожу на рок-группы. Я узнаю, что их волнует, я напишу об этом.

– Пиши, может, и тебе передастся.

Из Ростова после успеха, слишком хорошо отдохнувшие, прямо попадаем на конкурс артистов эстрады, подтверждая железное правило, что невыспавшемуся, безразличному, наплевавшему на все – везет. Разделяем первое и второе места с Кокориным, которого сейчас заслуженно никто не знает, потому что не надо письма Ленина с эстрады читать, мы до сих пор в них разобраться не можем. Отныне участвуем в идиотской конкуренции. С одной стороны – герои и лауреаты, которых никто не знает, с другой стороны – беспородные, которых знают все. Вернулись на ридну Украину в Киев. Я был персонально приглашен к директору Укрконцерта.

– Товарищ Жиманецкий! Крайне рад за вас. Значит, чтоб вам было ясно, сразу скажу: такое бывает раз в жизни. Сейчас это у вас будет.

– Конкурс, что ли?

– Та нет. Мы ж не дети. Кому той конкурс здався... Щас я вам скажу. Петр Ефимович Шелест лично вычеркнули из правительственного концерта Тимошенко и Березина и лично вписали вас. Я вижу, вы плохо представляете, что это значит... Это значит: мы з вами берем карту города Киева. Вы, писатель Жиманецкий, и ваши подопечные Карченко и Ильцев, ткнете мне пальцем в любое место карты, и там будет у

вас квартира. Такое бывает раз в жизни.

А мы поехали в Одессу, где посторонние люди нам меняли концовки, где заменяли середину, где вычеркивали и вычеркивали и снова ехали в Киев, умоляли не трогать. А зампред Одессы по культуре Черкасский говорил:

«А я министру говорю, что ж ты все режешь, чем ты хвалишься. В Херсон поехал, снял программу, в Одессе запретил, во Львове срезал, где ты хоть что-нибудь разрешил, скажи. Счас мы з вами зайдем. Вы увидите, какой это жлоб».

Секретарь обкома Козырь: «Что такое, что вы бьетесь, какие проблемы? Записываю целево максимально для исполнения, лично держу на контроле. У нас сейчас горячая пора, орден должны области давать. Мы все света белого не видим. Так что после 15-го лично займусь. Не надо меня искать, сам найду».

Он искал нас несколько лет.

Одно знаю точно: не просите начальника о поддержке. Конкретно: нужны столбы, провода, гвозди... Пусть он обещает «создать атмосферу», «усилить влияние» – но вы-то не дурак.

Мы помним точно: никогда при подаче заявления об увольнении нам не сказали – оставайтесь. И мы стартовали третий раз. В Москву, в Москву...

Москва известна тем, что там можно потеряться. В Ленинграде и Одессе ты никуда не денешься. И если в Москве ты ходишь по проволоке, то на Украине по острию ножа. От-

куда там собралось столько правоверных? Что они для себя выбирают? Что такое антисоветчина, что такое советчина? Поставь палку – здесь будет советчина, здесь антисоветчина, передвинь палку – уже здесь советчина, здесь антисоветчина. И кто кричит «антисоветчина»? Воны. 3 пайками та машинами. Для нормального зрителя – правда или неправда. Он ни разу не сказал «антисоветчина», это говорили только там, на коврах в кабинетах. Что же они защищают?

В голове вертится: «Сила партии в каждом из нас». Да здравствует Советская власть – покровительница влюбленных, защитница обездоленных, кормящая с руки сирот и алкоголиков. Как в капле отражается солнце, так в каждом из нас...

«Прошу, товарищи, высказываться. Действительно ли это юмор, как утверждают авторы, или мы имеем дело с чем-то другим? Прошу, Степан Васильевич, начинай...»

Москва. Разгул застоя.

«Марья Ивановна, приезжайте ко мне домой, тут один Одессит читает, это очень смешно, и Федора Григорьевича берите обязательно...»

Или: «Сейчас, Михаил, секундочку, чуть пива. Добавим пар, сразу хлебом пахнет, эвкалиптика. Давай, Михаил, читай... У него аж портфель запотел».

– Товарищи, я извиняюсь, управделами здесь? Мне срочно подписать...

– Вы что, с ума сошли, в костюме, в пальто в парную...

– Я извиняюсь, я в таком белье – жена где-то купила...

– Все снимайте и лезьте вон туда на полку, берите бумагу свою и ручку, он там голый. Степан Григорьевич, к вам тут срочно.

– Ох, ах, ух... Пусть войдет, житья нет.

Эх, застой, ух, застой! Веничком спину давай! По пяточкам. Ух, застой – о – о – горячо! Ух, профессор!

Или: «Степан Григорьевич привел юмориста. Он в обед почитает. У меня виски-тоник». Кабинет на замок – читай.

Эх, референты – короли застоя! Какая разница между министром и референтом? Никакой, только министр об этом не знает.

Съезд партии...

...Сюда помещаем группу скандирования. Она работает, в это время армия, пионеры, в 11.00 передовики производства, Пахмутова и обед... После перерыва звеньевая колхоза «Рассвет», две перспективы, одно критическое замечание, две здравицы и пошел ветеран. Затем два воспоминания, один эпизод с первым на фронте, одна поддержка молодежи, связь поколений, здравица и плавно молодой солдат. Опять связь поколений, благодарность командирам, боевая подготовка, слава партии – перерыв...

– Не забудь скандирование по десять человек через четыре ряда.

– Ну, профсоюз, скажи.

– А чего, за Родину нашу, за нашу заботливую мать!

– Верно, профсоюз, сначала ты о ней заботься, потом она о тебе. Верно заметил, профсоюз, глаз острый.

– А как же, Леонид Иванович, ему рабочие интересы защищать.

– От кого их защищать в рабочем государстве?

– Не, не, Леонид Иванович, хватает еще бюрократов.

– Ну, бить бюрократов – святое дело, говори ты, комсомол.

– Мы за вас, Леонид Иванович, за ваш ум и мудрость, за волю и целеустремленность, за радость победы, которую только под вашим руководством и чувствуешь.

– Браво, браво, точно...

– Садись, комсомол, ну, партия, что, партия?

– Поднимаем страну, Леонид Иванович, укрепляем наши ряды. За всех присутствующих!

– Давай, армия.

Шепот: – Леонид Иванович...

– Не-не... Искусство потом, искусство нас посмешит, верно, искусство?

Артисты: – Верно, Леонид Иванович.

– Володя!

Володя: – Слушаю, Леонид Иванович!

– Скажешь этой новенькой, чтоб осталась с Федоровым.

– Где, здесь?

– Ты что. Мы ж ей дали квартиру.

– Ясно, а если упрется?

– Не упрется, я с ней беседовал. Милиция здесь?

– Здесь, Леонид Иванович.

– Скажи, милиция, как ты нас бережешь? Что моя Мария жалуется, где наша Муська рыжая?

– Задание дано, полковник с уполномоченными прочесывают окрестности, соседи оповещены. Муська найдется.

– Найди, найди мне ее, ласковая она, жена любит, мурлычет приятно. За что пьем?

– Милиция всегда за порядок и спокойствие.

– Ну, давай, искусство, хватит наворачивать.

– Час расплаты настал?

– Давай, давай, выдай чего-нибудь, искусство.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– А-ха-ха! А ну еще раз.

– Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве.

– Владимир, завтра мне перепишешь, я в Совмине скажу.

Ну, за сказанное.

Да, разгул расцвета застоя и разгула застолия. Не работали мы как обычно, но гуляли чрезвычайно. Как никогда не работали, как никогда гуляли. Как обычно – говорил один и ему вторил второй. Веселье лилось, анекдоты давали второй и третий урожай. А то, что мы выедали, объедали, распродавали страну, мы не знали. Да и что мы там распродавали? Наружу мы не показывались, мы бушевали внутри.

– Не надо ждать вечера, вы в обед ему сыграйте.

– Кому?

– Начальнику. А пусть подавится. А пусть подавится. Прекрасная мысль. Чего ждать праздника?

– Мы хотели для коллектива.

– Значит, так, здесь Москва, да? Вы на десяти стадионах будете танцевать, ничего не будет, ему понравится – все! Никаких отказов. Я ему сказал, они с замом ждут. Виски, сигареты, закусочка, все туда несут из спецбуфета. Ты начнешь.

– У нас программа.

– Он начнет. Хватит ваших лиц в таком количестве. Он уже бурчал: «Кто над нами смеется? Люди какой национальности?» Ему это интересно.

– Так, может, не надо...

– Он-то ничего, другие еще хуже, там будет еще один из ЦК.

– Может, не надо?

– Этому нужно играть после второго стакана. Хохочет, все понимает... Ничего. Все!.. Вы здесь сидите. Я приглашу.

– Федор Иванович, они здесь. Это очень смешно, честное пионерское.

– Что он просит?

– Телефон.

– Там кабелировано?

– Соседний дом имеет. Поставим воздушку временно.

– Дай схему кабелирования... Ладно. Зови.

– Прошу к столу. Сюда, в комнату отдыха. Ребята, входите. Ждите. Я дам сигнал. *(Исчезает. Тишина. Он появляется.)*

ся.) Еще минутку. *(Шепотом.)* Сейчас он по второй. *(Исчезает.)* Входи.

(Все входят в комнату отдыха. Вскоре оттуда слышен концерт для троих в полной тишине, появляется Федор Иванович с Референтом.)

Референт. Ну они просят отдельный. Без блокиратора.

Федор Иванович. Не тянут. Игорь вообще не улыбнулся, я там раза два. Не, не тянут.

Референт: Ну я прошу, ну еще 15 минут.

(Возвращаются. Концерт, смех. Все выходят.)

Федор Иванович. Давай письмо. Отдельный... Молодцы, последняя шутка вполне. Я в слезах сидел – молодцы.

Ух, застой! Наш застой. Видишь, ходьба по дну никого не испугала. А застой... привел к перевороту.

Все можем себе простить, но не отставание в физической силе. Очень греет сознание: «Ничего, пусть только полезут, так хряпнем по мозгам! О! Что там эта маленькая вякает? Так хряпнем! Чего там наши чикаются, надо так хряпнуть! Здесь недоедаем, но там чтоб все было. Ох, красивые танки! Ну, крейсера, заглядение! «ППШ» – лучший в мире! Секрет «МИГа» до сих пор не могут разгадать! Что Афганистан?! Правильно сделали, они ж на нефти сидят и ничего не понимают. Как же туда не войти. Наша Чехословакия. Наша Венгрия. Никому не отдадим. Мы не войдем – немцы войдут. Все равно кто-то войдет. Так лучше мы. Ансамбль песни и пляски на Кубе. Как блокаду Кубы объявили, так мы оттуда

все аккордеоны вывезли и ансамбль убрали».

Да, карьера. Те, кто идет вверх, дойдя до конца верха, вширь ползут и получается агрессия. Та же карьера, только вширь. А мы поддерживали, а нам чего, может, оттуда изюм привезут, а оттуда курей. Объединим — дальше поползем.

Если считать, что нижние воруют, а верхние делают карьеру, то это то самое, что нужно для мирового сообщества, тут мы и как раз. Интересы верхов и низов полностью совпадают, верхние дошли до верха и пошли вширь, а нижние идут сзади и стягивают, и грызут, и объедают.

Саранча или мыши, или тараканы и никто не виноват. Все заняты делом. Эти командуют, эти что-то пилят. Ох, застой! Тем и хорош был, или есть, что интересы верхов и низов полностью совпадали. Интеллигенция верещала, не печатали ихние романы или, черт его знает, пробилок не давали. Самыми смешными были эти очкастые в разгульном блатном лагере. Верещали, протестовали, жалко шептали «не воруй, не убий, не пожелай ближнюю свою». И правильно их в лагеря и психушки. Помешать они не могли, но настроение портили. В общем, отправили их подальше. Конечно, жить хуже стало, вернее, не хуже, а иначе. Ну, то есть лечить некому, чертить некому. Ну и что? Это ерунда. Дети мрут, люди мрут, ну и что? Гулял, гулял и помер.

Для лечения верхов из Японии врача вызовем, а низы и сами долго жить не хотят. Сами убедились, что это лишнее. Глупо тянуть. Самому противно, окружающие ненави-

дят. Ты еще только болеешь, а уже очередь на твою квартиру выстроилась. В общем, невзирая на внешнюю вражду, трогательное единение верхов и низов. Низы понимают, что верх должен жить во Дворце, верх понимает, что низ должен воровать. Эх, застой, божья благодать. Рай для вороватых, пробивных. А для предателей самое время. Ни к кому спиной не встанешь. Тут же! Я отошел – меня облили, вы отошли – вас.

Правду не говорил никто! Ну то есть кто-то говорил, но где? Интеллигенция жалко шла на смерть небольшой кучкой у кинотеатра: «Уведите войска из Чехословакии, из Венгрии». Уведите, да! Начальники за войска, народ за войска – а эти против. Сейчас уведем, разбежались. Никто не был маразматиком. Все совпало. Воры сверху и воры снизу, они сошлись, и как ты их удержишь. «А в Венгрии, представляешь, – рассказывает капитан, – продвигаются мои танки. По такой узкой улице – брызговики штукатурку сбивают. А венгры что придумали, представляешь – портрет Ленина посреди улицы, думали, не наеду. А я и не наехал. Я объехал! Понял, да? И вся улица поняла. Не надо так с нами поступать! Не надо!»

Объезжали – давили, прямо шли – давили. И остановились на раздавленном. Началась перестройка.

Дефицит. (Для А. Райкина)

Послушай меня, дорогой! Что я тебе скажу. Все идет к тому, что всюду все будет, изобилие будет! Но хорошо ли это будет? Подожди, не торопись, ты молодой, горячий, кровь играет. Я сам был огонь, сейчас потух немного, хотя дым еще идет иногда... С изобилием не надо торопиться! Почему?..

Ты идешь по улице, встречаешь меня.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи, увидишь.

Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у тебя есть! Я попробовал – во рту тает! Вкус специфический! Я тебя уважаю.

На другой день я иду по улице, встречаю тебя.

– Здравствуй, дорогой! Заходи ко мне вечером.

– Зачем?

– Заходи – увидишь!

Ты приходишь ко мне, я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал дефицит! Слушай, ни у кого нет – у меня есть! Ты попробовал – речи лишился! Вкус специфический! Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди.

В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду си-

дит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Все городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит! Дефицит – великий двигатель общественных специфических отношений.

Представь себе, исчез дефицит. Я пошел в магазин, ты пошел в магазин, мы его не любим – он тоже пошел в магазин.

– Туфли есть?

– Есть!

– Черные есть?

– Есть!

– Лакированные есть?

– Есть!

– Черный верх, белый низ есть?

– Есть!

– Белый верх, черный низ есть?

– Есть!

– Сорок второй, самый ходовой, есть?

– Есть.

– Слушай, никогда не было. Сейчас есть. Дамские лакированные, бордо, с пряжкой, с пуговицей есть?

– Есть!

Ты купил, я купил, мы его не любим – он тоже купил. Все купили.

Все ходим скучные, бледные, зеваем. Завсклад идет – мы его не замечаем. Директор магазина – мы на него плюем! То-

варовед обувного отдела – как простой инженер! Это хорошо? Это противно! Пусть будет изобилие, пусть будет все! Но пусть чего-то не хватает!

Сосредоточенные размышления. (Для А. Райкина)

Зарядку себе придумали, лишь бы не работать! Лишь бы дурака валять! Здоровый бугай поднимает гири впустую – воздух перемешивает. Пускай камни таскает или вагонетки с углем. И платить ему не надо: он же за гири денег не берет!

Если весь народ по утрам вместо гирь будет яму копать, знаете, какая колоссальная экономия будет?! А если другие туда воды накачают и гусей пустят... На каждого получится по два гуся.

Я ж не один день думал!

А этот футбол – двадцать два бугая мяч перекачивают. А если им вместо мяча дать каток, они ж за полтора часа все поле заасфальтируют. А зрители еще по рублю дадут. Бешеные деньги пойдут.

А марафонца видали? Страус. Сорок километров дает бегом. Его кто-нибудь использует? Он же бежит пустой! А если он почту захватит или мешок крупы в область? У нас же составы освободятся. Я уже не говорю про штангистов. Человек полтонны железа поднимает и обратно кладет. Так давайте ему груз, чтоб он его наверх подавал. Бочки с селедкой, раствор, ящики с кирпичом пусть выталкивает. И рекорды ставь: ты – две бочки, я – четыре, чемпион мира – шесть!

Кто у нас остается? Артисты, художники, ревматики, склеротики и прочий боевой отряд физически недоразвитых людей. Их надо использовать на тонких работах. Вот балерина – крутится. Крутится, крутится, аж в глазах рябит. Прицепить ее к динамо – пусть ток дает в недоразвитые районы. А ты, иллюзионист, у тебя из пустого ведра курица вылетает. Иди, обеспечивай народ курицами. Ведра у всех есть, курей не хватает. Тебе каждый спасибо скажет, если честно будешь работать. А писатель пишет. Ходит туда-сюда, обдумывает. Что он там напишет, никому не известно, а пока ходит – прицепить к нему рычаг, пускай воду качает. Хоть какая польза будет...

Вот так каждого использовать. Такое будет! Такое состояние благо. Такой прогресс. Такой урожай. Вместо голубей этих дурных на крышах индюки будут сидеть, и тогда сразу вперед скакнем. Я ж не один день думал, что, я дурак?!

«Дурочка»

Справа и слева – два управления. Два стола. За каждым столом по два человека. Начальник и подчиненный. Слева Белибердинск. Справа Комаринское. Комаринский начальник вызывает подчиненного.

Комаринск. Насосы из Белибердинска прибыли?

– Нет еще.

Комаринск. Немедленно телеграмму!

Музыка. Подчиненный сел, написал. Машинистка – тррах! Телеграфистка – тррах! Музыка смолкает. Слышно сопение белибердинского начальника.

Белибердинск (вызывает подчиненного). Зайцев!

Входит Зайцев, подает начальнику депешу.

Белибердинск (читает). «Как выполняется наше распоряжение изготовления насосов все сроки прошли телеграфируйте дату отгрузки». Когда отгрузим?

Зайцев. Никогда. У нас и без них!.. Давайте честно напишем и откажемся.

Белибердинск. «Честно»?! За такой ответ нас сегодня же разгонят и никуда больше не возьмут.

Зайцев. Давайте молчать.

Белибердинск. Тогда нас завтра разгонят и никуда больше не возьмут. Нам нужно выиграть время.

Зайцев. Что же делать?

Белибердинск. Отвечать, писать, тянуть резину. А за это время или завод реорганизуют, или насосы отменяют, или министерство ликвидируют. У пишущих есть выражение: «Запустить «дурочку»».

Музыка. Сели, написали. Машинистка – ттррах! Телеграфистка – ттррах! Музыка смолкает, слышно сопение комаринцев, читающих депешу.

Комаринск. «В ответ на вашу телеграмму за номером таким-то от такого-то докладываем радостью ваше распоряжение выполнено колеса направлены урал сидоров представлен правительственной награде ждем дальнейших распоряжений».

Комаринск. Обратный адрес – Белибердинск? Они что-то перепутали. Запросите еще раз.

Белибердинск (*читает*). «В ответ на ваш номер такой-то от такого-то сообщаем какие колеса какой сидоров вы нас не поняли немедленно телеграфируйте дату отгрузки насосов согласно нашему распоряжению срыв плана угрозой нечем качать управление». Отвечайте.

Комаринск (*читает*). «В ответ на ваш номер такой-то от

такого-то сообщаем вашей телеграммы поняли колеса вы не получили самолет колесами потерпел аварию горами азербайджана сидоров катапультирован понижен должности лишен наград колеса раскатаны местными жителями по аулам ждите сообщений».

Комаринск. Обратный адрес – Белибердинск? Может, у них девчонка путает? Запросите в последний раз.

Белибердинск (*читает*). «На ваш номер такой-то от такого-то сообщаем какие колеса это круглые такие не знаем никаких колес вы нас с кем-то путаете прекратите план предприятия сорван нечем качать сточные воды отсутствия ваших насосов текучка кадров массовые простои молнируйте дату отгрузки противном случае гарантируем скандал».

Зайцев. Я отвечаю.

Комаринск (*читает*). «На ваш номер такой-то от такого-то молния возмущением узнали отравлении сточных вод одеколоном никаких обещаний кроме сообщений сидоров сидит под следствием дирекция местком завком военком». (*Одевается.*) Я еду в Белибердинск. Я узнаю, кто такой Сидоров. Я им устрою аварию горами Азербайджана! Спасибо за внимание! (*Застегивает шубу, надевает шапку. Идет.*)

Ночь. Пурга. Свист ветра. Комаринский начальник идет. Приходит.

– Это Белибердинск? Здравствуйтесь, я из Комаринского.

Слушайте, вы серьезным делом занимаетесь?

Белибердинск. Серьезным. А что?

Комаринск. Какие колеса? Какой Сидоров?

Белибердинск. Какие колеса? Какой Сидоров?

Комаринск. Мы вам направили телеграмму. И вот вы нам ответили.

Белибердинск (*прочел свою телеграмму*). Кто такой Сидоров?

Комаринск. Я вас и спрашиваю: кто такой Сидоров?

Белибердинск. А вы знаете, кто он такой?

Комаринск. Я вас спрашиваю.

Белибердинск. Я не знаю.

Комаринск. А что это за колеса?

Белибердинск. А вы знаете, что это за колеса?

Комаринск. Кто это подписывал?

Белибердинск. А-а!.. Зайцев. Зайцев! Сейчас, сейчас. Я мигом разберусь. Если это он, я от него камня на камне не оставлю! Я ему при вас... Ох, я ему... при вас! Зайцев! Вы им писали, не отпирайтесь!

Зайцев. Куда?

Комаринск. В Комаринское.

Зайцев. Да.

Белибердинск. Ага. Мы нападаем на след. Почему вы пишете о колесах, когда они вас спрашивают о насосах?!

Зайцев. Кто спрашивает о насосах?

Комаринск. Мы.

Зайцев. Вы?

Белибердинск. Они.

Зайцев. Где?

Комаринск. Вот наша телеграмма. Нечем качать, где насосы... А вы?..

Белибердинск. Как вы могли так ответить?

Зайцев. Я не мог так ответить. Здесь ведь о насосах, правильно?

Комаринск. Правильно.

Зайцев. А здесь о колесах, правильно?

Комаринск. Правильно.

Зайцев. Ну, вот.

Белибердинск. Слава богу, разобрались.

Комаринск. Что?

Белибердинск. Все в порядке.

Зайцев. Я могу идти?

Комаринск. Что?! Что?! Что – в порядке?! Это же ваша подпись?

Зайцев. Где?

Комаринск. Вот.

Белибердинск. Вот.

Зайцев. Что?

Белибердинск. Вы плетете интриги. Вы лодырь и бузотер! И вообще, где вы были сегодня с восьми до одиннадцати?

Зайцев. Кто?

Белибердинск. Вы.

Зайцев. Что?

Белибердинск. Где вы были с восьми до одиннадцати?

Зайцев. Вчера?

Белибердинск. Сегодня.

Зайцев. Что значит – где я был?

Белибердинск. Вот, где вы были?

Зайцев. Что значит – где я был?

Белибердинск. Да, где вы были?

Зайцев. Когда?

Белибердинск. Сегодня с восьми до одиннадцати.

Зайцев. Не понял,

Комаринск. Ну, хорошо, товарищи...

Белибердинск. Почему вас не было на рабочем месте?

Зайцев. Меня не было?

Белибердинск. А что, меня не было?

Зайцев. А почему вас не было?

Белибердинск. Я спрашиваю, почему вас не было?!

Зайцев. Почему меня не было?!

Комаринск. Товарищи, я ехал тысячу километров...

Белибердинск. Минуточку, вы знаете, что вас искали?

Зайцев. Знаю.

Белибердинск. Где же вы были?

Зайцев. Не слышу.

Белибердинск. Ну, где вы были?

Зайцев. А где я мог быть?

Комаринск. Стоп, все. Глуши. Меня интересуют насосы.

Когда будут насосы?

Белибердинск. Когда будут насосы?

Зайцев. Что?

Комаринск. Когда будут отправлены насосы?

Зайцев. Где?

Белибердинск. Все! Хватит! Надоело! Я вас увольняю! Я оставляю вас без средств!

Комаринск. Подождите...

Белибердинск. Увольняю!

Комаринск. Давайте разберемся с насосами.

Белибердинск. Увольняю! Идите! Между нами все конечно!

Зайцев. Хоть сейчас!

Белибердинск. Именно сейчас!

Зайцев. Хоть сию секунду!

Белибердинск. Именно сию секунду!

Комаринск. Стойте, товарищи, стойте, сначала разберемся... ну, может, он не хотел.

Белибердинск. «Не хотел»? Именно хотел. Мне все ясно! Разобрались! Не с кем работать! Я один вопиющий в пустыне! Возвращайтесь спокойно. Пишите, я сам буду отвечать. Лично! Я их к столу не подпущу! Они мне все развалили, теперь я им все развалю! Разгоню всех! Вы еще увидите, что я наделаю!

Комаринск. Как же все-таки с насосами?

Белибердинск. Что?

Комаринск. Насосы...

Белибердинск. Где?

Комаринск. Те, что вы делаете?..

Белибердинск. С восьми до одиннадцати?..

Комаринск. Товарищи, идите работать, а я пойду в сумасшедший дом! Спасибо за внимание! (*Возвращается к себе.*)

Подчиненный. Из министерства запрашивают, когда подключим насосы. Грозят большим скандалом.

– Пишите: «Куры передохли» – и запросите новый телескоп. Вы что, не знаете, как запустить «дурочку»?!

В Греческом зале. (Для А. Райкина)

Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили. Убивают время как попало. Вместо того чтобы отдохнуть... В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то... Я думал – музей как музей. А это не музей, а хуже забегаловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь...

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия тарасилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

– В Греческом зале, в Греческом зале, как вам не стыдно! Аж пенсне раскалилось. Я ей так тихо возражаю:

– Чего орешь, ты, мышь белая?.. Ты здесь каждый день дурака валяешь. А мне завтра на работу. стакан бы лучше вынесла... Видишь, человек из горлышка булькает?!

...Что селедку?.. Кто селедку?.. Какую селедку?.. Ну, селедку развернул у него на плече... А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается, поймешь ты, коза старая?!

...Кто Аполлон?.. Я – Аполлон? Он – Аполлон? Ну и нехай себе Аполлон... Повесил я ему авоську на руку, а куда вешать, на шею?!

От народ!... Никакой культуры. Еле от нее отбился. Хорошо еще, ребята поддержали... А на часах уже три! А я еще с продуктами и ни в одном глазу. А уже три на часах.

Стал искать, чем консервы открыть. Бычки в томате прихватил. От умора! От смех! Музей, музей – нечем банку открыть! Хоть убейся. Куда я только не лазил. Приспособился под конем... Железку какую-то оторвал, только ударил, как заверещит, у меня даже банка выпала. Вахтерша с указкой! Ну?! Я ей из-под коня так тихо замечаю:

– Чего ты дребезжишь?! Что я, тебя трогаю или кусаю кого?! Ты себе, я себе, они себе...

Хорошо, ребята меня поддержали, вроде все уладилось... Так штопора нет! Вот музей...

Тут я ей совсем тихо, ну тихо совсем:

– Слышь, штопор есть?

– Это итальянская живопись семнадцатого века!

– Ты не поняла, – говорю, – я тебя не спрашиваю, где брали живопись, я спрашиваю, штопор есть?

– Вы понимаете, что вы говорите, здесь вокруг живопись!

– Понимаю, а ты без штопора можешь открыть? Я же об пол буду стучать, мешать. А вокруг живопись...

Намучился! Оторвал от этого же коня еще одну железяку, пропихнул внутрь, но настроение уже не то... В какой-то гробнице в одиночку раздавил кагор в крошечной тьме, в антисанитарных условиях... Бычки, конечно, руками хватал... Хорошо, грузин стоял на камне, я у него кинжал вытащил,

колбасу хоть порубил на куски.

Когда я из гробницы вылез, еще мог экскурсию продолжать, хоть в паутине и в бычках... Но они исчезли. Так что воспринимал в одиночку... Поковырял того грузина – мура, опилки, дураят людей.

А тот железный, что на лошади сидел, – тот ничего, крепкий... Меч я у него из кулака вырвал, а щит рвал, рвал, не идет – неплохое качество!

Ну а в целом потерял выходной, угробил. Хорошо еще, вечером, в скверике резали «Зверобой» и закусили с колен... Хоть как-то отдохнули.

Теперь, говорят, в Большом театре «Столичная» появилась, только билет на «Чародейку» надо брать. Почему же у них сто грамм получается?

Я жду

Я жду... Каждый день на этом месте я жду. Время в ожидании тянется медленно. Жизнь в ожидании проходит быстро. И тем не менее я жду, жду, жду...

Я часто стоял в очередях. Я смотрел на лица, на которых отражалось только ожидание. Я видел тоскливое, бессмысленное стояние. Я физически чувствовал, как из моего тела уходят минуты и часы. Мне шестьдесят лет. Из них три года я провел в очередях. Я иногда болел. Иногда жаловался. Меня иногда вызывали. Мне назначали прием на двенадцать часов. Ни разу. Ни разу за мои шестьдесят лет меня не приняли ровно в двенадцать. Кому-то нужно было мое время. Полчаса, час, два моей жизни, и я отдавал.

Мне шестьдесят лет. Из них на ожидание в приемных ушло два года. Два с половиной года я провел в столовых в ожидании блюд. Два года – в ожидании расчета. Год ждал в парикмахерской. Два года искал такси. Три года валялся на чемоданах в вестибюле гостиницы и смотрел собачьими глазами на администратора. Всем нужно мое время. У меня его мало. Но если нужно...

Мне шестьдесят лет. В ожидании я провел пятнадцать. Двадцать лет я спал. Осталось двадцать пять. Из них семнадцать – на счастливое детство. И только восемь я занимался своим делом.

Мало. Я бы мог сделать больше. Зато я научился ждать.

Ждать упорно и терпеливо.

Ждать, не теряя надежды.

Ждать, сидя на стуле и покачиваясь.

Ждать, стоя и переминаясь.

Ждать, прислонясь к стене.

Ждать в кресле, пока оно поговорит по телефону.

Ждать и ни о чем не думать.

И только сейчас, когда мне шестьдесят, я думаю: не слишком ли долго я ждал? Но прочь эти мысли, подождем автобуса.

Белый свет

До чего мне хорошо в Ульяновке. Стремлюсь куда-то и все время остаюсь. Одиноко. И прозрачно. Какая-то тишина. Какой-то чистый, ясный белый свет.

Хорошо на белом свете. На юге синий, голубой, черно-бархатный... Совершенно беззвучно проезжают троллейбусы. Безмолвные, неподвижные дома. Здесь они действительно неподвижные.

Солнце не греет и не светит, а освещает. Четко-четко. +5 °С... Апрель. И не сумерки, а ясный, светлый вечер. Ни одного телефонного звонка. Обманами, скандалами, холодностью добился своего – сообщения перестали поступать.

А этот холодный белый свет входит в душу.

Один-один средь бела света с белым светом, что придержишь губами и веками и выпускаешь из себя только на бумагу, чтобы сохранился подольше.

Целую.

Спрос – сбыт

Я люблю заснуть и проснуться среди запасов. Весь в продуктах. Хотя какое-то спокойствие на какое-то время. А кто знал, что уксус будет, а исчезнет горчица? Ну кто? Есть у нас в доме хиромантка, так она все о любви, а когда просишь раскинуть насчет продуктов, неверные сведения дает.

Мы в одном месте ажиотаж взвинтили, касторки набрали и валидола. А он есть и есть. А наоборот, исчезли от головной боли тройчатки-пятерчатки и вот эти... противники детей из аптек исчезли.

Только я набрал слабительного, как исчезла туалетная бумага. Ну, без нее можно обойтись. Я как запорного принял, так в прекрасном настроении нахожусь. Вторую неделю. Только салфеткой рот оботрешь.

Правда, сами салфетки... Ну, скажи! Ну кто ожидал... Стали культурно так рты обтирать, носы промакивать, и втянулись. А я так скажу: все начали рты обтирать, а на всех рассчитано не было, только на тонкий слой интеллигенции. Или пятерчатка – у всех сразу как схватила голова – видимо, все об одном и том подумали. Или на горчицу налетели, видимо, что-то сладкое съели.

Но тяжелое это дело, в жизни не догадаешься, что завтра пропадет. Потому что, если бы догадывались, что завтра пропадет, все б сегодня бросились, и сегодня бы пропало. А так

никто не ожидает, все спокойно прохаживаются... И вдруг кто-то первый вскочил, выскочил, и все забежали-забежали, родных задергали... А этого уже нет ни в Москве, ни в Воронеже, ибо здесь очень важна одновременность, чтоб не создавать очередей. Во всех городах сразу нет – и всюду тишина. Я удивляюсь людям. Ходят, щупают кастрюли и не берут.

Утюги стоят – бери. Один есть – второй бери. Второй есть – третий бери. У меня в доме все по два, по четыре, по шесть, по восемь... Дверь нельзя открыть, кастрюли на голову падают, мука сыплется, постное масло из постели вытекает, зато месяц могу автономно сидеть, как в подводной лодке, без выхода на поверхность.

Все знаю. Изучение покупательского спроса?! Да как можно изучить спрос, если спрос сам мечется как угорелый, изучает сбыт. Потому что сбыт о завтрашнем дне не думает, а спрос у себя в квартире аж бледный сидит.

Каждый день...

Каждый день...

А вообще у нас есть все, но не везде...

Не всегда...

И в недостаточном количестве.

Пить вредно. (Для Р. Карцева)

А сейчас, сейчас вот все время по радио, по телевизору говорят, что вредно пить. Аж зло берет. Вот в журнале «Здоровье» еще за тысяча, за тысяча еще девятьсот шестьдесят девятый год было написано, что вино полезно. Один доцент, я точно не помню его фамилии, так и пишет: «Напивайтесь, полезно». Он пишет, что коньяк всегда полезный. В той же статье пишет, что коньяк, пишет, всегда, пишет, полезный. Против простуды, пишет, полезный, расширяет сосуды, всегда, пишет, полезный. Но дорогой, потому что очень полезный, поэтому дорогой.

А если сердце больное, хорошо водку с перцем принять. Туда две рюмочки крепленого, ну три, не больше. Все это дал себе, утром встал – не найдешь, где сердце. Пусть все ищут, никто не найдет. А как же это все в лаборатории научные сотрудники, все на себе испытывают. Они святые люди, я уважаю науку и этих людей. Один доцент пишет, что он только себя этим на ноги поставил: водка с перцем, крепленое и сухое. Да еще сухого, туда еще сухого. Это было в «Литературке» за 76-й год. Вот ты молодой, газет не читаешь, все девки в голове. А о здоровье не думаешь. Вот доцент пишет, что он только этим себя на ноги поставил: водка с перцем, крепленое и сухое. Только, он пишет, беременным женщинам нехорошо. Им нужно без перца, а так состав тот же.

Еще был там такой рецепт: на кружку вина крепленого – стакан пива. Ух, суррогатик! Один доцент только себя этим на ноги поставил. Себя поставил на ноги, детей поставил на ноги, жену на ноги поставил, сейчас всех соседей ставит на ноги. У него уже весь двор на ногах стоит. Только это, он пишет, хорошо с утра для почек. А для суставов, так часов в двенадцать принять, когда уже... когда уже солнце подошло, когда уже солнце и суставы в равновесии. Ломоту снимает в суставах моментально. У тебя был треск в суставах? У меня, знаешь, какой был треск? А сейчас слушай, после лечения, слушай меня сейчас. Мотылек!!! А раньше ни к кому близко подойти не мог, трещал, как пулемет. Демаскировал.

Вот, один профессор пишет, что смазку суставам дает полторы сотни «Зубровки», две сотни «Мицного», столовая ложечка «Алигате» и чуть-чуть ацетона для запаха. Чуть-чуть, для запаха. И мгновенно забываешь про суставы. Членистоногий, как змея, ползешь, шелестишь, по земле стелешься. А желудочно-гастритчикам, колитчикам и поносо-запорникам марочное «Алигате» – не дай бог! Не дай бог тебе «Алигате»! Только спирт с хреном. И два часа не кушать, терпеть. Можно пивом запивать. Один доцент только себя этим на ноги поставил. У него язва была, двенадцатиперцовой кишки. Пропала начисто. Полное пропадение язвы. Что ты смеешься?

А был случай уникальный, он обошел все страны мира. У нас произошел, на горах Кавказа. Академик лежал пластом

после инфаркта. Думали, что уже всё, уже думали что всё уже, думали, что думали, что всё уже, всё... На хребте Кавказа, на спине академик лежал... Думали, что всё уже... думали... что уже всё, уже всё. Светило лежало! Думали, всё уже... думали, что... думали, что всё уже, всё. Уже конвульсиум собрали. Думали, что всё уже, всё. Стали самогонкой отпаивать. После трех стаканов сам сбежал с горы. С кайлом, в кедах... внизу еще двое ждали. А уже был покойником. Догадался кто-то самогонки влить. Сейчас бегают академик. Кандидатскую будет защищать.

А был случай, один профессор 30 лет на себе все сорта испытывал. 30 лет – все на себе! Герой! Ему памятник нужно ставить. Потому что он знал, что против чего. Он писал, что брага хорошо почки прочищает. Сивуха дает печени прострел навсегда, на мозги хорошо действует лак, подогретый с денатуратом, мозги шевелятся в три смены.

Вот подумаешь на совесть, так узнаешь, что против чего. Будешь пьяный, как свинья, и здоровый, как бык.

Ваше здоровье? (Для Р. Карцева)

Дедушка, дедушка, как ваше здоровье? Нет, нет, мы незнакомы, дедушка, но меня интересует. Вижу, вы вздыхаете. Честное слово, я просто так. Как ваше здоровье, дедушка, дорогой? Нет, я не из поликлиники. Я же вам говорю, просто так. Да нет, ну что вы, дедушка. Я не от Зины. Я не знаю Зину, я прохожий. Вижу, вы переходите улицу, я шел за вами. Я случайно шел за вами. И думаю, спрошу, как здоровье. Погода великолепная сегодня. Ну, не хотите отвечать – пожалуйста. До свидания.

Я вам говорю, я просто поинтересовался. Честное слово, я вас не знаю. Клянусь, я вас вижу в первый раз. Я просто так спросил. Как ваше здоровье, и все. Ну, хорошо. Не хотите отвечать – не надо. Все. Я пошел. До свидания.

...Отец, идите своей дорогой. Я говорю, у меня сегодня хорошее настроение, и я спросил, как ваше здоровье. Ну что здесь такого? Я ничего не думал... Незнакомы, незнакомы. И не работали вместе, и не учились. Как мы могли учиться вместе? Ну как?

...Я не знаю вашу дочь. И в Саратове никогда не был. Я просто спросил, как ваше здоровье. Вы не захотели ответить! Все! Вам куда? А мне – налево. И чудесно. И будьте здоровы.

...Папаша, бросьте это дело. Не приставайте на улице. Папаша, я объяснил. Ну вы посмотрите на себя. Вы еле дыши-

те, вы весь держитесь на этих подтяжках. Я вам говорю, я нервный. У меня просто настроение хорошее, но я звездану, и все. Зачем вам эти волнения к концу жизни?.. Я вам говорю, я за тобой шел. У меня было хорошее настроение, и я спросил, как твое здоровье, чтоб ты не дошел. Понимаешь? Я тебя в жизни не видел и горя не знал. Слушай, старый, переползай на другую сторону, у меня терпение кончается!

...Какой я тебе родственник? Ты посмотри на мой овал лица. Какой Саратов? Я из Копенгагена, у тебя там есть родственники? И катись к чертовой матери, пока я тебе все шнурки не оборвал, и быстро набирай обороты, догоню – устрою здоровье на все два дня, что тебе остались!

...Нет! Нет! Если бы ты был моим родственником, я бы на себя руки наложил. Слушай, у меня было хорошее настроение – я не виноват, но я разворочу мостовую, я найду тот кирпич... Дед, отойди, дед, дай умереть спокойно. Дед, я тебя не знаю, у меня сердце не выдерживает! Дед, уйди!

...Граждане, братья, отодвиньте его, не доводите до греха. У меня сегодня радостный день, у меня сегодня день рождения. Мне сегодня было тридцать лет. Я защитился – вот диплом, жена красавица, дети умницы. Я ему говорю:

«Отойди, дед, я здоровый человек, меня любят на работе. У меня все впереди».

Он ходит за мной с утра, любимый, старый. Разве я могу взять его за бороду и об себя два раза, я же интеллигентный человек?!

Мальчик, мальчик, где здесь аптека?

Что охраняешь, товарищ?

Я в охране природы работаю. Лилиеводы, тюльпановоды. Звонят из ресторана – пальму выбросили. Я еду. Как я стал любителем охраны? Ну, хочу взять два лося. Приезжаю в область в сезон. Вот разрешение взять два лося. Резолюция товарища вот... А мне говорят, этой резолюцией, говорят, можешь клопов давить. Если выпить хочешь, так и скажи. А насчет лосей или иди к первому на подпись, или вступай в общество инспекторов охраны. Думаю, идти к первому, толкаться... Вступил за полчаса. Три рубля за книжечку дал. Пошел взял два лося. А как же! Все так. Хочешь лося взять – иди в общество охраны природы! Что охраняешь, то имеешь, и еще с друзьями делишься!

Хочешь интересные книжки читать – иди редактором: первым будешь читать, никому не дашь! Лес охраняешь – дрова есть! Аптеку охраняешь – вата есть! Возле змей сидишь – яд имеешь! Хочешь кооператив иметь – берись квартиры распределять! За очередью следишь – без очереди берешь!

Что охраняешь, то имеешь! Ничего не охраняешь, ничего не имеешь! Недаром говорят: «Все на охрану всенародной собственности!»

Берегите бюрократов

Мальчики, девочки, деточки, дамочки! Отнесемся бережно к окружающей нас природе. К ее разнообразным формам. Не допустим полного уничтожения бюрократов. Пусть их вид нам неприятен. Что делать? Все в природе увязано и укрупнено. Уничтожишь одно звено – рушится другое. Уничтожишь бюрократов – испортится народ.

Представьте: только попросил – сразу дали! Только подошел – подписали! Только обещали – тут же сделали! Что же это такое?! Люди дома сидят. По телефону договариваются, животы пошли, инфаркты, общая вялость, дети малоподвижные, мужчины нерешительные, юноши женственные.

Эй! А ну-ка, давай!

– Я – к вам.

– Отказать!

– Как?..

– А так!

Я – к другому.

– А я этот вопрос не решаю.

Я – к третьему.

– Это не по моей специальности.

– Это не в моей компетенции.

– С этим обождем!

– С этим переждем!

И тут чувствуешь, как у тебя второе дыхание прорезается. Легкость в теле необыкновенная. Упругость удивительная. Ножки напружинил и пошел по кругу!

Отказать – хорошо!

Подождать – хорошо!

Переждать – мирово!

Мчишься по городу крепкий, легкий, закаленный и только слышишь: хлоп-хлоп! Буль-буль! Слабенькие отпадают, хрум-хрум – косточки ихние хрустят...

Но остаются самые-самые! Самые зубастые, самые жилистые. Вы мне: «Отказать!» А я с женой, с детьми – в приемную! Хлоп на пол!

– У меня течет.

Вы мне: «Убирайтесь вон!» А я из колодца:

– Здравствуйте! Это у меня...

Вы мне: «Пошел вон!» А я из-под машины, из-под колеса:

– Здравствуйте, это у меня промокает.

Вы самолетом, а я через винт.

Вы за границу. А я в Монтевидео из-под пальмы:

– Здравствуйте, это у меня...

– Ах, чтоб ты пропал! Откуда ты такой выискался?

– «Откуда»? А путем вашего искусственного отбора. Скорость как у гепарда, кожа как у хамелеона, челюсть своя и запасная, справа автобиография, слева справка о состоянии здоровья, в зубах прописка, в глазах вид на местожительство!

И плотным строем пошел! Только ветер в ушах, только пыль по дороге, и жилмассив в одну линию сливается.

Отказать – хорошо!

Отложить – хорошо!

Переждать – можно!

Табличкам не верим. Мест нет – найдешь! Билетов нет – поищешь!

Самолеты не летят – отправишь!

Ни черта не страшно нам, закаленным, перченым, проверенным. Мужчины поджарые, женщины стройные, население красивое!

Не трогайте бюрократов! Большая польза от них происходит.

Сколько лет мы их терзаем. А они все есть. Знаете почему? Мы их породу улучшаем – съедаем самых слабых!

В век техники. (Для А. Райкина)

Мы живем в век техники. Выходим на международные рынки. Машины у нас хорошие, отличные, но их надо рекламировать.

Вот на заводе номер восемь дробь шесть, в общем, на одном из наших предприятий, изобретатель Серафим Михайлович... В общем, один чудака изобрел машину для этого... В общем, не дураки сидят!

Целый год работал над машиной, и решили машину в Париж на выставку отправить! Правда, самого не пустили, у него кому-то чего-то не понравилось в рентгене, анализы у него не те. Так что поехал я, у меня в этом смысле не придерешься – все качественное и количественное. И девчушка еще из колхоза поехала, ей давно обещали во Францию. Девчушка как раз еще кое-что в физике помнила. А я сам, понимаешь, подустал... Все это мотаешься, гоняешься, перевариваешь эти процессы, все это осваиваешь, так что уже элементарные законы начинаешь подзабывать. Не то что там Джоуля – Ленца или Ома, но и Архи... этого... меда уже конкретно себе в лицо представить не можешь. Вот так! Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, ба-ретки, шляпа сидит, как на гвозде.

Перед отъездом с изобретателем переговарили: выяснили там, какие заряды, какие притягиваются, какие оттягива-

ются... Ну, в общем, сели, поехали! Приезжаем, слышу на платформе: «Пардон, пардон». Что же это, уже Париж? Ну, прибыли в павильон, распаковались. Народу набежала уйма. Машина – всеобщий восторг!

Я уже речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: «Селяви!» В смысле – есть что показать! Народ мне кричит: «Включайте!» Я уже через переводчика говорю: «Нам понятно, граждане французы, ваше нетерпение...»

Только это я сказал...

И вот тут мы куда-то что-то воткнули...

Потом меня спрашивали: «Куда ты воткнул, вспомни давай!»

Комиссия приехала из Москвы, меня спрашивала: «Куда ты втыкал, ты можешь вспомнить?» Какое вспомнить, когда врачи ко мне вообще два месяца не допускали, у меня состояние было тяжелое.

Девчушка, та покрепче оказалась, но у нее что-то с речью случилось и не может вспомнить, как доить. Принцип начисто забыла! Откуда молоко берется, не помнит. Сейчас ее колхоз за свой счет лечит, врачи говорят, есть надежда.

Ну, павильон-то быстро отремонтировали, там ерунда, только крышу снесло.

Машину собрали... в мешок и привезли уже другие люди. Хотели изобретателя под стражу взять, но я в это время в больнице лежал, тут за него коллектив поручился, так что просто взяли подписку о невыезде. Легко отделался...

Я вот, как видите... Маленько перекося, и вот не сгинается. Говорят, могло быть и хуже. Ну, ничего, я подлечусь. Живем в век техники! Так что, может, еще и в Японию поеду!

А что вы думаете? Селяви!

Как лечат стариков. (Для *Р. Карцева и В. Ильченко*)

Кабинет поликлиники. Действующее лицо – Доктор, бездействующее – Старик.

– Здравствуйте, доктор.

– Хорошо-хорошо, папаша, на что жалуетесь и домой.

– Знаете...

– Знаю. Быстренькуа...

– Меня по ночам что-то схватывает за талию и держит.

– Жена у вас есть?

– Умерла жена.

– Видите. Жена уже умерла... А вы на что жалуетесь?

– Знаете...

– Знаю. Быстренькуа... Вам сколько лет?.. (заглядывает в карточку.) Ого! Семьдесят три! Мы точно не доживем. А вы чего еще хотите. Я бы уже сказал спасибо.

– Понимаете, доктор...

– Понимаю. Быстренькуа!

– По утрам. Понимаете.

– Понимаю, папаша, по утрам и по вечерам. Это все возрастное, папаша. Иди спокойно. Не загромождай.

– Но этого раньше не было.

– Конечно, не было. Вам когда-нибудь было семьдесят

три? В первый раз. Мне когда-нибудь было тридцать два? Никогда.

– Может быть, послушаете?

– Что слушать? Я наизусть знаю. Ну, поднимите рубаху. побыстрее, папаша. Так и быть. Не дышите, отче... Теперь дышите, дитя мое... Теперь согнитесь пополам...

– Тяжело.

– Видите, уже тяжело. Начинаем переключку! Ревматизм?

– Есть.

– Радикулит?

– Есть.

– Ревмокардит?

– Есть.

– Желудок?

– Нет.

– (*Поет.*) Все нормально, старик, все в порядке!

– Как же? Оно же?

– Оно. Оно. Возрастное оно от времени, понимаете? От истечения...

– Может, выпишете что-нибудь?

– Что ж выписывать, рецепт тратить. Иди спокойно, папаша.

– Может быть, греть?

– А как же. Грей! Сядь на печку, приободрись!

– Паровое у меня.

– Возрастное, папаша, возрастное. Семьдесят три года

громыхал. А тут соученик в тридцать два гикнулся. Иди, отдыхай, борец. Мне молодежь лечить надо. Скажи молодому, который за сердце держится, пусть войдет. Пожалуйста, молодой человек.

Личный опыт. (Для Р. Карцева)

Ничто так не приободряет человека, как личный опыт... Билеты у спекулянта взял в кино. Оказалось, на вчера, в другом городе и не в кино, а куда-то в планетарий. Черт с ним. Но опыт приобрел. Теперь дудки меня объедешь... Теперь билеты – намертво! Пока сам не обожжешься, никто тебе не докажет.

Копил на машину. Предупреждали! Ничего, купил. Подержанную. Всего пятьсот тысяч прошла, прогрохала. Доехал домой, а из дому – ни колесом. Ни гудком! Даже дверцу не откроешь. Что с ней ни делал – не идет, стерва! Все, что накопил, в нее вбухал и продать не могу... Вдряпался, конечно. Но опыт приобрел. Теперь на машину веревкой не затанешь. Даже разговоров избегаю.

Все самому надо испытать. Только на себе. Ничто так не убеждает, как собственный затылок. Говорили, готовый бери. А я сшил... Портной, как летчик. Он ошибется – я погиб. В общем, снять не могу. Трещит. Под горячей водой снимали. Дудки я теперь шить буду. Убедился. Конечно, средств на все эти опыты уходит – будь здоров. От еды временно отказался... Но неоценимый опыт приобрел. Багаж. Мудрость. Будет что молодежи рассказать!

Пошел к зубному технику одному. Они со стоматологом вместе. Ай!.. Чего они там?.. Ой, они там чего-то плавили

вдвоем, в тигле... Чего-то там автогеном варили... Гипсом заливали... Еле отодрали... Вместе со своими зубами отодрали... И выколотить не могли, так и выбросили. Теперь, конечно, «с», «ж», «з», «ф», «к», «п», «ч», «ш», «щ» не выговариваю, но опыт приобрел. Теперь я к этим двум жукам ни ногой. Хо-хо! Теперь ты меня там увидишь?! Я у них первым был, оказывается... Ничего, зато они у меня последние. Без зубов и без букв как-нибудь проживу, а они меня теперь увидят!.. Задним умом буду крепок, если передним не прошибаю.

Этот тип косой мне заграничную радиолу подбросил. «Хрундик». Многооборотную. С пяти метров берет. В его руках, на пустыре, она все брала. А у меня теперь на ней только чайник и «Маяк» с трудом... А я на нее свехурочно, как дурачок, пульман цемента на горбу... А «Маяк» любой наш репродуктор берет, за пять рублей. Ничего. Поумнел. Опыт есть. Я теперь того косоного за квартал... Найдет он меня... На всю жизнь зарекся радиолы брать... Шалишь! Умнеем на глазах!

С этой тоже так нехорошо получилось... С личной жизнью. Нелегко... Ой!.. Ну, дает она мне прикурить... Ой!.. Один раз ей изменил. Разок... Но теперь опыт есть. Обжегся. Все! Теперь ни ногой... Конечно, малость подзалетел... Платим теперь... Выплачиваем... Доходит до того, что в поллучку шесть рублей получаем. Двое там растут... Но опыт есть. Дудки теперь домой провожать, только до троллейбуса.

Извините, я теперь опытный.

Что еще мне осталось?... Ерунда. Почти все на своем опыте испытал.

Это все теория: красный свет, зеленый свет, а пока тебя не переедет, пока грузовик на себе не почувствуешь... Ну, не буду вас отвлекать...

Расцвет сатиры

Расцвет сатиры в 60-е, когда сатирику помогали все. Телевидение своими постановками и прямыми передачами выгоняло людей из дому. Начальство своей внешностью и речью их объединяло в едином порыве. Отмена концертов, запрещение программ, вырезание из текста обостряло внимание и тренировало сообразительность. Поиски выхода заставляли присматриваться и прислушиваться к любому искусству. А всеобщее пение во славу по всем трубам и проводам заставляло людей хохотать над шутками второго сорта и запоминать отдельные выражения, хвататься за голову от намеков. И любить. И обожествлять. И писать письма.

Да. Нелегко творить в такой оранжерейной атмосфере.

Города. (Для Р. Карцева)

Каждый город имеет свое лицо, и в каждом городе на один и тот же вопрос вам ответят по-разному. Ну, вот представьте себе – Рига. Высокие, вежливые люди. Здесь даже в трамваях разговаривают шепотом...

– Девушка, скажите, пожалуйста, как проехать на бульвар Райниса?

– Бульвар Райниса? Извините пожалуйста... я плехо говорю по-рюсски. Бульвар Райниса... как это будет по-рюсски...

– Что на следующей, да?

– Нет, пожалуйста, извините, будьте любезны, как это по-рюсски...

– Что, через одну, да?

– Нет, пожалуйста, будьте любезны, как это будет по-рюсски... на предыдущей... пожалуйста, но вы уже проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете, пожалуйста, два квартала, пойдете пожалуйста прямо, извините пожалуйста, будьте любезны, вы опять проехали. Тогда сойдете на следующей, пройдете пять кварталов назад, повернете направо... пожалуйста, извините будьте любезны, вы опять проехали... Простите мне сейчас выходить, вы вообще из трамвая не выходите, на обратном пути спросите... до свидания, пожалуйста.

А вот и Тбилиси! Ух, Тбилиси! Эх, Тбилиси! Ах, Тбилиси!

Ох, Тбилиси!

– Скажите, пожалуйста, это проспект Шота Руставели?

– Ты что, нарочно, да?

– Нет, понимаете, я впервые в этом городе...

– Я, понимаете, впервые... Ты думаешь, если грузин вспыльчивый, его дразнить можно, да?

– Нет, понимаете, я на самом деле впервые...

– Я, понимаете, впервые... Слушай, как ты мог своей головой подумать, что грязный, кривой, паршивый переулок красавец проспект Руставели?! Слушай не делай, чтоб я вспилил, скажи, что ты пошутил.

– Ну, хорошо, я пошутил.

– Все! Ты мой гость. Ты ко мне приехал, я тебя с мамой познакомлю. Возьмем бутылку вина, у тебя глаз будет острый, как у орла. Возьмем вторую бутылку – будешь прыгать по горам, как горный козел. Возьмем третью бутылку – и ты вброд перейдешь Куру. И схватишься с самым сильным человеком Вано Цхартешвили. А потом на руках мы понесем тебя показывать красавец Тбилиси. Ты скажешь: «Дорогой Дидико, я не хочу отсюда уезжать, я хочу умереть от этой красоты». Я скажу: «Зачем умирать? Жена есть? Дети есть? Давай всех ко мне! Мой дом – твой дом. Моя лошадь – твоя лошадь. Идем скорей, дорогой, я тебя с мамой познакомлю...»

А вот и Одесса.

– Скажите, пожалуйста, как пройти на Дерибасовскую?

– А сами-с откудова будете?

– Я из Москвы.

– Да? Ну, и что там слышно?

– Ничего. А что вас интересует?

– Нет, я просто так. Все хорошо. А в чем дело? Я просто так интересуюсь. У вас Москва, у них Воронеж, у нас Одесса, чтоб мы были все здоровы... Вы работаете?

– Конечно, я работаю, но я попросил бы вас: где Дерибасовская?

– Молодой человек, куда вы спешите? По Дерибасовской гуляют постепенно.

– Вы понимаете, мне нужна Дерибасовская...

– Я понимаю больше того. Гораздо больше того – я вас туда провожу, невзирая на жестокий ревматизм. Но меня волнует положение в Родезии. Этот Смитт, такой головорез, такое вытворяет, у меня уже было два приступа...

– Послушайте, если вы не знаете, где Дерибасовская, я спрошу у другого!

– Вы меня обижаете. Вы меня уже обидели. Такой культурный человек, я вижу у вас значок, у меня такого значка нет. Я всю жизнь работал. Прямо с горшка на работу. Ой, нам было очень тяжело, нас было у мамы восемь душ детей. Вы сейчас можете себе позволить восемь душ детей? Не, это моя мама себе позволяла. Она была совсем без образования, а сейчас мои дети учатся в университете, а моя бедная мама... она сейчас с братом и дядей лежат на кладбище. Поче-

му бы вам туда не съездить?

– Вы понимаете, мне нужна Дерibasовская...

– Я понимаю, но разве так можно относиться к родителям? Если ваши дети не приедут к вам на могилу, они тоже будут правы, вы поняли меня? Куда вы пошли? Дерibasовская за углом.

А вот и Москва!

– Ух, машин сколько! Таксей сколько! Людей сколько! Прокормить же всех надо! Ничего, всех прокормим! Где ж у меня адресок был, ах ты господи. Ага.

– Гражданин, будьте так добры, я сам не местный, я из Котовска, у нас, знаете, на улицах курей больше, чем машин. Так вы не подскажите, как лучше всего пройти или проехать на Садовое кольцо?.. А где вы?.. Тю!.. Утек... Чи то гонится за ним кто? От дурной!

– Гражданочка! Будьте, пожалуйста, так добры. Я не местный. Я из Котовска. Вы не подскажите, как... Куда ж ты бежишь? Что, я на тебе женюсь? Что ж за народ?

– О! Гражданинчик! Я из Котовска. Будьте так добры... Ненормальный! Ой-ой-ой!.. Чи, може, у них здесь заработки такие, что боятся секунду потерять?!

– О! Пацанчик! Я из Котовска... Чтоб ты подавился своим мороженым!

– Алле! Москвич! Гражданин в шляпе с портфелем! Я из Котовска. Дети мои! Не оставляйте старика посередь дороги!

– Дочь моя! Куды ж тебе нести, может, тебе уже давно уволили. Остановись, поговорим. Мне нужно на Садовое кольцо! Скаженная! Беги-беги... добегаешься!

– О, бабушка! Бабушка, стой, рассыпешься! Фью-ю!.. Ходовая старушенция. Граждане, православные! Рупь дам тому, кто остановится! Помчались неподкупные!.. Гони, гони! Давай, давай! улю-лю-лю!

Пишу и кладу в папочку

Пишу и кладу в папочку. В папочку, папочку, в папочку. Я вам о нем писал. Мамы наши самые яркие наши. Самые нужные, самые запомнившиеся. Отцы наши жалкие и старательные. Отцы – это те, кто искажал себя все успешнее от нетерпимости вначале до одобрения в конце. Отцы, чтоб кормить, шли на преступление, и долго боялись. У отцов был светлый час освобождения – когда они накопленное дома вбивали в головы врага. Но мы их тогда не видели, они уходили все дальше и могли победить всех своей двойной ненавистью, но мы их тогда не видели дома. Когда мы их увидели дома, они снова что-то нарушали и боялись, и боялись показать боязнь, чтоб не выдать себя кому-то. И пили не с теми, и обещали не то. И на нас смотрели слезящимися дрожащими глазами. Они даже не претендуют на то, чтобы о них вспоминали. Что они оставили детям... Теперь эти отцы – мы.

Помолодеть

Хотите помолодеть?.. Кто не хочет, может выйти, оставшиеся будут слушать мой проект.

Чтобы помолодеть, надо сделать следующее.

Нужно не знать, сколько кому лет.

А сделать это просто: часы и календари у населения отобрать, сложить все это в кучу на набережной.

Пусть куча тикает и звонит, когда ей выпадут ее сроки, а самим разойтись. Кому интересно, пусть возле кучи стоит, отмечает.

А мы без сроков, без времени, без дней рождения, извините.

Ибо нет ничего печальней дней рождения, и годовщин свадеб, и лет работы на одном месте.

Так мы и без старости окажемся...

Кто скажет: «Ей двадцать, ему сорок?» Кто считал?

Кто знает, сколько ей?..

Не узнаешь – губы мягкие, и все.

Живем по солнцу.

Все цветет, и зеленеет, и желтеет, и опадает, и ждет солнца.

Птицы запели, значит, утро.

Стемнело, значит, вечер.

И праздник не по календарю, а по настроению.

Когда весна или, наоборот, красивая зимняя ночь, мы и высыпали все и танцуем...

А сейчас... Слышите – «сейчас»?

Я просыпаюсь – надо мной часы.

Сажусь – передо мной часы.

В метро, на улице, по телефону, телевизору и на руке – небьющаяся сволочь с календарем.

Обтикивают со всех сторон.

Напоминают, сколько прошло, чтобы вычитанием определить, сколько осталось: час, два, неделя, месяц.

Тик-так, тик-так.

Бреюсь, бреюсь каждое утро, все чаще и чаще!

Оглянулся – суббота, суббота. Мелькают вторники, как спицы.

Понедельник – суббота, понедельник – суббота? Жить когда?..

Не надо бессмертия.

Пусть умру, если без этого не обойтись.

Но нельзя же так быстро.

Только что было четыре – уже восемь.

Только я ее целовал, и она потянулась у окна, просвеченная, – боже, какая стройная!

А она уже с ребенком, и не моим, и в плаще, и располнела.

И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь...

Только что нырял на время и на расстояние – сейчас лежу полвоскресенья и газеты выписываю все чаще. А это раз в

год!

В детстве казалось, возьмешь ложечку варенья – в банке столько же.

Ерунда! В банке меньше становится.

Уже ложкой по дну шкрябаешь...

И что раздражает, так это деревья.

То зеленые, то желтые.

И стоят, и все.

И маленький попугай – крепкий тип. Гоголя помнит и нас помнить будет.

Нельзя так быстро.

Не расстраивался бы и вас не расстраивал.

Но жить люблю, поэтому и живу...

Диета

Есть прекрасная диета. За неделю – полвеса. Для начала легко скандалите на работе, высказывая недовольство общей системой производства и не видя выхода. Вас увольняют с плохой характеристикой.

Широкоизвестно изменяете жене, крича: «А как же, конечно!» Она от вас уходит. Та, вторая, ждет ребенка, но вы от него отказываетесь, крича в суде: «Конечно. А как же!»

Обильно заливаете соседей и ждете их прихода с ответным словом. Пишете письмо о плохой работе своего отделения милиции и подписываетесь полностью. Прорываетесь без очереди сквозь толпу, называя себя инвалидом – от чего им становитесь.

Затеваете ремонт – приходите без материалов, без связей, без очереди и требуете начать ремонт, выкрикивая слово «официально».

Вызываете «Скорую» и вступаете с врачом в диспут, почему их не было полтора часа. Он вам о своей зарплате, вы ему о срочной медицинской помощи.

Он вам о личной заинтересованности, вы ему о провалах здравоохранения.

Тут же он вас лечит и, выкрикивая слово «принципиально», вы пробиваете на телевидении этот разговор. Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом опять пробиваете и на-

чинаете пробивать там же разговор о продуктах, отталкиваясь от желудочных заболеваний и связывая его со «скорой». Пробиваете, пробиваете, пробиваете, потом еще раз пробиваете и, так, не пробив пропуск у вахтера, чтобы просто подойти к зданию, идете взвешиваться.

Теперь можно есть всё. Вопрос в аппетите.

Не пойму, что с людьми происходит. (Для Р. Карцева)

Не думал никогда, что у нас такие странные люди есть... Отказаться от жизни, чтоб кидать ядро дальше другого дурака или выше поднимать ногу на сцене?!.. Что-то я не пойму. Чего они из кожи лезут?.. Этот на себе микробов выращивает. Это ж надо, гадость такую. Пожилой человек... Тот вообще залез в вулкан. Извергался оттуда с компанией таких же дружков?!.. Ну?.. Ей-богу. Как дети... Вроде приличная зарплата. Семья. Так сиди. Не скачи. Не дергайся... Конечно, кроме себя, он никому вреда не принесет. Но пример дурной показывает... А тот дурачок на лодочке четыре месяца плавал один. Ну так ладно – он англичанин. С них не спросишь. С них чтоб спросить, надо пролив Ламанческий переплывать... Но чтоб у нас такие дураки были, не ожидал... Ещё хорошо, общественность не поддерживает. А то на лодке каждый бы... От жены. От детей...

На льдине сто дураков сидят, лед щупают, медведей пугают. Им еще туда зарплату сбрасывают, провиант и за снег доплачивают... Что, у нас снега мало?.. Несет их... Другой черепа раскопал, сидит в яме, празднует... Дурака валяют в рабочее время. Собаке вторую голову пришили... Я думал пацанва, а это пожилые люди балуются...

Она тридцать лет цветочки соединяла: фиалочку с тюльпанчиком. На государственные средства... Тьфу!.. Дура с пестиком!.. Я без цветов знаешь сколько живу!.. Я б тебе показал, куда деньги девать. Счетные машины... А что считать?.. Руб сорок девять плюс руб сорок девять минус посуда.

Прибегает два раза в месяц, дай мне бешеные деньги: я микроба нашел... Ох, я б тебе деньги показал бы!!! Ты бы у меня вагонетку толкал бы в одну сторону, а другой такой же в другую!..

Между нами говоря, что мне от той Луны?.. Ни холодно, ни жарко. Ну светит – светит. Не светит – спичку зажгу... Чего я должен заглядывать, что у нее со спины... Что я без этого не жил... Ну, между нами говоря!.. Что-то я тут не пойму... Что это за национальность людей такая?..

А если народ не понимает? Так и не рыпайся!.. Может, это все запретить и посадить их в карцера?.. А?.. Это можно попробовать, а если хорошо получится, то и держать... Потому что, когда все понимают, что ты делаешь, когда самый дурной, тупой поймет, чем ты занимаешься в рабочее время, – занимайся... А если я к тебе забрел по пьянке проверить, что ты вытворяешь в государственный рабочий день, а ты мне что-то лопочешь: частицы, нейроны, мембраны. А я ни черта. Ни в какую. Ни за что. Хоть ты в меня стреляй!.. Тогда все... Тут тебя и брать надо. Тут тебе пятнадцать суток и как раз... Эх, я б наломал. Власти у меня мало...

Слова. Слова... (Для Р. Карцева и В. Ильченко)

– О! Боже мой, боже мой, кого я вижу, какой человек!

Очень рад вас видеть.

– И я очень рад.

– И я очень рад вас видеть.

– И я очень рад.

– И я вас...

– И я вас...

– И я...

– И я...

– Очень рад.

– Очень рад.

– Надолго к нам?

– Надолго.

– Хорошо.

– Да, хорошо.

– Надолго это хорошо.

– Надолго это хорошо.

– Надолго – хорошо.

– Да, надолго – хорошо.

– Хорошо – надолго.

– Надолго это хорошо.

– Да-а.

– Да-а.

– Вот ненадолго – плохо.

– Плохо, да.

– Надолго это хорошо.

– Надолго это хорошо.

– Да-а.

– Да-а... А вы знаете, я вам больше скажу: надолго это очень хорошо. Нам нравится ваша работа.

– Ну да?

– Да.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста.

– Слушайте, давайте попробуем поработать вместе. Вы бы могли работать для нас?

– С удовольствием.

– Попробуем, да?

– А что, попробуем.

– Попробуем. Вы набросайте планчик – конспектик буду-

щей работы принесите, мы обсудим и сделаем.

– Планчик-конспектик?

– Будущей работы.

– На двух страничках.

– На двух страничках.

– Я знаю, я делал.

– Я знаю, что вы делали.

– Я помню, я делал.

– И я помню.

– Планчик – конспектик...

– На двух страничках... А можно на одной.

– Давайте на шести.

– Давайте.

– Я знаю, я делал.

– Я знаю, вы делали.

– Я помню, что я делал.

– Я помню, что вы делали.

– А вам это очень нужно?

– Очень. Так что?..

– Обязательно!

– Договорились?

– Непременно!

– Я могу быть уверен?

– Как вам не стыдно?

– Не подведете?

– Как вам не стыдно.

– Значит, я уверен?

– Я обижусь.

– Ну все-таки, я уверен?

– А я уверен?

– Как вам не стыдно.

– Мы оба уверены. Вы чувствуете?

– Да, я чувствую.

– И я чувствую...

– Вот сейчас почувствовал! Вот, вот, вот... Так что, делаете?

– Ну, как вам...

– Мы без вас...

– Договорились.

– Сделаете?

– Обязательно.

– К четвертому.

– К пятому.

– К четвертому.

– К пятому.

– К четвертому.

– К пятому.

– Ну ладно, к пятому.

– Ну ладно, к четвертому.

– Обязательно.

– Обязательно. Если я обещаю, вы же знаете...

– Знаем, мы уже никого не приглашаем, рассчитываем

только на вас.

– Обязательно на меня, обязательно.

– Я же знаю.

– Ну что вы.

– На вас.

– На меня.

Смотрим в глаза.

– Не сделаю я ему ни черта.

– А мне это и не нужно.

Диспут. (Для Р. Карцева и В. Ильченко)

Ведущий. Так... Товарищи! У нас сегодня диспут! На любую тему. Столкновение разных мнений. Утверждение! Возражение! Вот вы, гражданин из первого ряда... Идите сюда! Подойдите! О чем вы хотели бы поспорить?

– Я?

– Да, вы. Именно вы! Я вчера с вами говорил. Вы были таким темпераментным, запальчивым. Вот теперь здесь, на сцене, попробуйте отстоять свое мнение. Покажите, как это делается! Итак, что вам не понравилось?

– Где?

– Вчера. Вам что-то не понравилось. Вы спросили.

– Мне все понравилось. Я еще вчера говорил, что мне все понравилось.

– За исключением...

– Без всяких исключений! Все понравилось!

– Ну, это не разговор. Вот, к примеру, мне не нравится ваш галстук!

– Мне тоже! (*Сорвал, выбросил.*) Тряпье!

– Ну, постойте... Вы не понимаете. Это диспут. А диспут – разговор, где сталкиваются разные мнения. То есть, если я «за», вы должны быть «против». У нас должен быть спор,

понимаете?

– Понимаю.

– Так что вы возражайте. Итак, мне понравился...

– И мне.

– Нет, вы не поняли. Вы участник диспута, понимаете?

– Да.

– Вы должны спорить.

– Да.

– Мне понравилась эта книга. А вам она...

– Мне тоже.

– Подождите. Вам она не понравилась.

– Понравилась.

– У нас так не будет спора.

– Будет.

– Как же – будет? Вы же мне не возражаете. А вы должны возражать. Мне не нравится зима!

– И мне не нравится.

– Товарищ, вы участвуете в диспуте.

– Да.

– Мне вчерашний фильм понравился, а вам нет.

– Мне тоже.

– Вы морщились.

– У меня зуб болел.

– Проклятый зуб?

– Проклятый зуб.

– А мне нравится ваш зуб!

- А я его люблю!
- А пиджак на вас ужасный! Просто жуткий!
- Кошмарный!
- Я бы его выбросил!
- Я тоже. (*Снимает, выбрасывает.*)
- Товарищ, постойте. Вы вчера согласились.
- Я и сегодня согласен.
- Вы сказали, я буду участвовать в диспуте. Мы им покажем, что такое борьба мнений, вы еще намекали.
- Ни на что я не намекал.
- Ну, хорошо. Я считаю, что в семье должен быть один ребенок. А вы?
- Я тоже.
- А вы возражайте.
- Я возражаю!
- Вот. (*После паузы.*) Вот. Почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Почему?
- Я возражаю.
- Нет, но почему?
- Я возражаю.
- Это хорошо. Но почему вы возражаете?
- Я возражаю.
- Нет. Вы так просто не возражайте. Вы должны говорить
- два.
- Два.

- Вот. (*После паузы.*) А я считаю, один.
- И я считаю, один.
- Вы же говорили, два.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот. (*После паузы.*) А я говорю, один.
- Два.
- Вот видите, уже спор. А я говорю, один.
- Два.
- Вот, чудно. Так что, я говорю, один.
- Два.
- Так, один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Ну, спорьте, спорьте... Один.
- Два.
- Ну, вы спорьте, возражайте... Один.
- Два.
- Один.
- Два.
- Чего-то тут... Чего-то мы не спорим... Один.
- Два.
- Чего-то у нас не то. Один.
- Два.

– Вы должны доказывать, почему два.

– Два.

– Да ну вас. Один.

– Два.

– Перестаньте. Один.

– Два.

– Прекратите. Один.

– Два.

– Сейчас же бросьте. Один.

– Два.

– Это чепуха, а не диспут. Один.

– Два.

– Это чушь собачья! Один.

– Два.

– Стоп! Стоп! Я понял. Вы должны мне доказывать, почему два.

– Чего?

– А про то, что мы спорим. Ну, что один – два? Что, один – два?! Что вы – два, я – один?

– Что?

– Ну чего я говорил «один». А вы мне возражали, говорили «два»?

– Я не возражал.

– Вы говорили «два».

– Два.

– Вы почему говорите «два»?

– Вы мне сказали.

– А про что мы спорим?

– Мы не спорим, вы мне сказали – говори «два».

– А я почему говорю «один»?

– Вы мне сказали: «Скажи два», – и я сказал «два».

– А кто мне сказал, чтобы я говорил «один»? Ты мне сказал?

– Вы сами.

– Нет. Мне кто-то сказал... Сам бы я... вообще бы... А здесь чего?

– Диспут.

– И что, и что я здесь делаю?

– Вы ведущий.

– А вы как сюда попали?

– С улицы.

– А у вас пропуск есть?

– Нет.

– Ну идите домой. Диспут окончен. Ничья!

Блеск, Паша

Директор. Вы у нас молодой специалист?

Молодой специалист. Да.

Директор. Как дела?

Молодой специалист. Превосходно.

Директор. Как завод?

Молодой специалист. Изуми...

Директор. Новая техника?

Молодой специалист. Потряса...

Директор. Все дело?

Молодой специалист. Великоле... поставлено.

Директор. Во что превращено предприятие?

Молодой специалист. В образец.

Директор долго смотрит ему в глаза. Молодой специалист смотрит в глаза директору.

Директор. По специальности пойдете?

Молодой специалист. Нет... Я в многотиражку.

Директор. Прекрасно.

Появляется начальник снабжения.

Как кабель?

Начальник снабжения. Идет. Все прекрасно.

Директор. Когда будет?

Начальник снабжения. Да он уже... Да вот уже... Да это уже... Ну от-то... Ну, он уже... Можете докладывать. Сделано. Проложено. Уже вон оно... Пробьем траншею, грудю проложим его, зубами. Он уже наш. Мы все... Ногами. Не уложим, так затоптаем. Такой сейчас энтузиазм в отделе снабжения. Моего зама двое держат.

Директор долго смотрит на начальника снабжения. Тот — на директора.

Директор. Где бухгалтер? Бухгалтера.

Входит бухгалтер.

Как дела?

Бухгалтер. Какие дела? С такими делами... Не могу ни черта понять, кто кем оформлен? Не пойму, я сам кто?

Директор. Вы у нас недавно. Позовите главного бухгалтера.

Появляется главный бухгалтер.

Как бухгалтерия?

Главный бухгалтер. Все в порядке.

Директор. А вот товарищ...

Главный бухгалтер. Он ошибся. Все прекрасно.

Директор. Он говорит, путаница.

Главный бухгалтер. Все четко. Часы. Тик-так. Отлажено.

Блеск. Документация. Наряды. Зарплата согласно штатам. Штаты по зарплате. Копеечка в копейчку. Прибыля. Я такого не видел. Шестое предприятие меняю. Впервые...

Директор берет лицо главного бухгалтера. Долго смотрит в глаза главному бухгалтеру. Тот – директору.

Потрясающе...

Директор смотрит ему в глаза.

Блеск... Я тут недавно картотеку перебирал...

Директор смотрит ему в глаза.

Изумительно...

Директор. Все. Тебе верю. Ему нет.

Главный бухгалтер. А как же. Я ему сам не верю... (Плачет.)

Директор. Укрепить надо бухгалтерию.

Главный бухгалтер. Укреплю немедленно. Морды поразбиваю. Блеск... Серьезно. Так хорошо еще не было... По-

всякому было, но чтоб так хорошо... В первый раз.

Директор. Кликни мне завпроизводством.

Входит завпроизводством.

Тихон Павлович.

Завпроизводством. Пал Сергеич.

Целуются.

Директор. Как дела?

Завпроизводством (*смахивает слезу*). Сами знаете...

Директор. Не понял.

Завпроизводством (*плача*). Превосходно. Как по маслу. Это поразительно. Как все налажено, прямо сил нет... (*Долго плачет.*) Очень хорошо все продумано, я вам так скажу. Еще проектировщики когда проектировали наш завод, они, суки, допустили такую продуманность, такую дальновидность. И как эти сволочи продумали все так хорошо? Они еще тогда все предусмотрели... Помните, туалеты. Потом, чтобы расширяться... Новые станки, чтоб не под дождем люди работали. Как они так сумели – подонки. Дождь ведь хлещет, мешает высокую точность давать, на уровне мировых стандартов. А они предусмотрели и место для второй ветки железной дороги, чтоб не только сюда, но и обратно... Как догадались? Непостижимо...

Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Тот плачет.

Директор (*тоже всхлипнул*). Что, действительно все предусмотрели?

Завпроизводством (*всхлипнул*). Все! Нет детали, которую бы эти псы не предусмотрели. Мы не можем на нее напороться. Я тут с одним из них два дня метался. Ну руки опускаются – все предусмотрено. Плотник наш ходил с топором, за что, говорит, взяться, ума не приложу... Вышел за забор и давай крушить. А вернулся тихий. Все продумано.

Директор. Ну хоть один недостаток есть?

Завпроизводством. У одного водителя характер плохой.

Директор. И все?

Завпроизводством (*твердо*). Все.

Директор долго смотрит в глаза завпроизводством. Вдруг оба всхлипывают, начинают неразборчиво кричать: «Тиша!», «Паша!», «Тиша!».

Директор. А так все ол'райт?

Завпроизводством. Что вы, какой ол'райт – о'кей!

Директор. Подвиги?

Завпроизводством. Без конца... Раздухарились массы. Главный электрик зубами голые провода держит. Чтоб пита-

ние в сборочный цех... Из ОКСа две круглосуточно – карантидами.

Директор. Что?

Завпроизводством. Крышу сушилки – на себе... Не отходят, кормим их ложкой.

Директор (*всхлип*). Т-твою... Какие люди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.